

ДЕМИНУТИВЫ КАК СРЕДСТВО ОЦЕНОЧНО-ХАРАКТЕРИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПРЕССИИ В ХУДОЖЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫХ ТЕКСТАХ ЛЕОНИДА ЛЕОНОВА

Бровко А.С., к.филол.н., доцент

Запорожский государственный университет

По мнению К. Федина, "разговор о мастерстве писателя следует начинать с языка. Язык всегда останется основным материалом произведения. Художественная литература - это искусство слова. Даже столь важное начало литературной формы, как композиция, отступает перед решающим значением языка писателя" [1, 422]. Этому же мнению всегда был и до конца творчества оставался Леонид Максимович Леонов, считавший, что "никакая тема не оправдывает слабой формы", что "истинное произведение искусства, произведение слова - в особенности, есть всегда изобретение по форме и открытие по содержанию", что "искусство не терпит каких-либо стеснительных рецептов", что "в искусстве можно как угодно, с одним лишь условием - чтобы было хорошо", тем более, что "чем значительнее нагрузка на искусство, тем выше должно быть его качество". А значит, "для того чтобы писать хорошо, надо писать много. Речь идет не о множестве вещей, а о количестве работы над каждой", ибо "все, что дается легко, без труда, представляет собой весьма сомнительные ценности". Художественно-литературная деятельность самого Леонова - живое свидетельство неутомимого творческого поиска писателем и своей темы, и своего, леоновского, слова-образа, неожиданного, оригинального, смелого, зримого.

Непростым это было делом для писателя заслужить восторженную похвалу М. Горького. Леонова, совсем еще молодого, неизвестного автора, Горький после первых же рассказов назвал "юношей оригинального таланта и серьезных тем" [2, 204] и дальше, по мере появления новых произведений, всякий раз выражал восхищение этим "человеком какой-то "своей песни", очень оригинальной" [3, 328], подчеркивая, что "языковое богатство его удивительно" [3, 327-328], "слова у Леонова светятся. А действительность он знает, как будто сам ее делал" [3, 411]; что "Леонов умеет наградить каждого из своих героев прекрасно подчеркнутой индивидуальной речью", а "это удастся далеко не каждому даже талантливому писателю" [2, 241]; как мастер писательского дела "он, почти никогда не рассказывая, всегда изображает, пользуясь словом, как живописец краской" [2, 241]. Горький не раз признавался ему - "талантливый вы художник" [4, 133], предсказывал будущность "б о л ь ш о г о" русского писателя, очень большого" [5, 36], "далеко должен пойти Леонов" [6, 44]. И когда Горькому понадобилось представить живую картину неуклонного роста русского словаря, он поставил имя любимого литератора в один ряд с выдающимися художниками слова России: "Чтобы убедиться в быстроте роста русского языка, нужно только сравнить запасы слов-лексиконы - Гоголя и Чехова, Тургенева и, например, Бунина, Достоевского и, скажем, Леонида Леонова" [3, 327].

Чрезвычайно пестра свежими красками его словесно-художественная палитра. Леонов как будто с молодых ногтей усвоил и затем задался целью подтвердить своим литературным творчеством глубочайший по смыслу тезис А.С. Пушкина о том, что "разум неистощим в соображении понятий, как язык неистощим в соединении слов" [7, 1250]. Именно в соединении, весьма нередко в непривычном сочетании слов, не исключая фразеологического [8], Леонов нашел едва ли не самую продуктивную возможность "живописного способа выражаться". Однако этим его творческие поиски свежих языковых средств живописания не ограничились. Великого труженика-стилиста ждали художественно-экспрессивные открытия в области ресурсов самого слова, образовательные способности которого, благодаря высокоразвитой системе аффиксов, оценил еще Н. Г. Чернышевский. "Словопроизводство в русском языке, подобно словоизменению, - писал он, - отличается, сравнительно с тою же стороною других новейших европейских языков, гораздо большим разнообразием. Можно даже сказать, что русский язык (подобно /некоторым/ другим славянским наречиям) развил в себе много таких способов произведения слов, которые остались мало развитыми в греческом и латинском языках, по богатству словопроизводственных способов стоящих несравненно выше новых европейских языков" [1, 201].

Именно аффиксальный как самый продуктивный способ раскрытия все новых еще не до конца выявленных смысловых и оценочно-экспрессивных потенциальных возможностей слова и привлек внимание Леонова-художника. Его целесообразность - в необычайно спрессованной концентрации материала, способности кратчайшими средствами языка создать художественный образ, предельно точно, с определенной

эмоциональной установкой охарактеризовать и оценить вещь, явление, событие, глубинную сущность и манеру поведения личности (героя повествования), группы лиц, нации, даже государства. Так, Леонову достаточным оказалось употребить лишь суффикс - айш в одном из компонентов составного наименования "легкая музыка" (в непринятой для данного случая превосходной степени), чтобы свежо и наглядно передать контрастно противоположный характер планов и деяний в канун второй мировой войны Советского Союза и фашистской Германии: "Когда наши радио передавали легкую, порою - легчайшую музыку, с германских станций на весь мир откровенно гремела медь грубых солдатских маршей".

Достоинство аффиксального словообразования еще и в том, что, сохраняя коренной смысл производящей основы и в то же время его сдобривая дополнительным семантическим оттенком, этот способ словопроизводства не ведет к появлению в языке неузнаваемой лексемы, а только приумножает художественно-экспрессивные возможности хорошо знакомой, не оставляя новоявленному образованию какого-либо риска быть невоспринятым, а тем более непонятым читателем. К примеру, свежесоставленные с помощью приставок по- и под- глаголы, приобретшие у Леонова сематический оттенок неполноты, чем-то стесненного действия: поукрепить, поослабить, поотстать, поотступить, поповетриться, порасплываться, порасширить, посдвинуть, посдуть, посогнуть, поспутать, постигнуть, поуспокоить; подвыяснить, подзадержать, подзакалиться, подзаострить, подкопиться, подсогреть. Или с той же приставкой по-, что с тем же сематическим оттенком, - имена прилагательные в сравнительной степени с несколько приуменьшенной благодаря ей качественно-количественной мерой признака; ср. с так называемой положительной степенью, то есть исходной формой: побарышнее, поволосатее, погранитнее, подомашней, позанозистей, посеверней, поэпохальнее.

Причем, художника-творца, видимо, не очень смущало то, что прилагательные "гранитный" и "домашний", будучи относительными, не имеют степеней сравнения. Что книжное слово "эпохальный" настолько высоконаполненное семантикой оценки чего-то поистине исторически значимого (эпохальный - значит "составляющий эпоху, знаменующий собой эпоху". См. толковые словари МАС, т. IV. - М., 1961. - С. 1049 и С. И. Ожегова - Н. Ю. Шведовой. - М., 1992. - С. 946), что, несмотря на приведение авторами этих словарей для объяснения слова синонимов (кстати, - качественных прилагательных, изменяющихся по степеням сравнения) - "важный, значительный", слово "эпохальный" в степенях сравнения не нуждается и вряд ли когда-нибудь будет нуждаться, если его не опошлят банально-безумным употреблением. Наконец, имя существительное "барыш" вообще не имеет производного от него коррелятивного прилагательного; только слово "барышник" - "барышнический".

Эти примеры воочию подтверждают вышесказанное о всесторонней целесообразности активного использования Леоновым аффиксальных средств литературного живописания: все достаточно понятно, хотя и свежо, а то и ново; художественно и эмоционально приемлемо; характеристически и оценочно убедительно; материально-предельно экономно. Главное - понятно в такой достаточной мере, что нет необходимости не только определять, но и уточнять по словарю значение аффиксально образованного слова, которое понятно и само по себе. Даже опытный лингвист не скажет экспромтом, узуальное это слово или окказиональное, настолько они выглядят потенциальными лексическими единицами, ежесекундно готовыми стать реальными, общеупотребительными. Мир этих слов у Леонова так велик, многообразен и сочен, что поднять их все и подвергнуть всестороннему анализу - дело большой исследовательской работы. В этой стесненной объеме статьи мы коснемся лишь одного типа аффиксально образованных слов - с уменьшительно-ласкательными суффиксами и рассмотрим их в леоновских текстах в оценочно-характеристической функции.

Само название этих суффиксов говорит об изначально заложенных в них двух смежных экспрессивно-сематических оттенков - уменьшительности и ласкательности. Примерами употребления слов-деминутивов именно в таком значении полны русские народные песни, былины, сказки, предания, причитания, легенды. Многими десятилетиями испытанные как весьма продуктивное средство одобрительной (мелиоративной) характеристики и оценки кого- или чего-либо, деминутивы стали входить в тексты художественных, большей частью поэтических, произведений определенных авторов. Особенно преуспели в их целенаправленном использовании А. В. Кольцов и Н. А. Некрасов.

Не обошли деминутивы и Леонова. Но как человека "своей песни" его не долго удовлетворял всего один раз и навсегда приданный этим словам одобрительный оттенок значения. В поисках свежих словесно-художественных красок, содержащих неодобрительную (пейоративную) оценку, то есть противоположную свойственной деминутиву, Леонов нашел именно в этой категории слов, причем, нисколько не нарушая морфемной структуры.

В довоенном творчестве изменение семантики деминутивов не выглядело у Леонова кардинальным, однако нарек на это уже чувствовался. Так, в романе "Соть" (1929 г.) встречаем совершенно чуждые для соответствующих производящих основ словоформы монашек и, особенно, - попик, отдающие скорее уменьшительно-принижающим, нежели уменьшительно-ласкательным оттенком значения, усиленным тут же непринятием в обращении к священнослужителям словосочетаниями гражданин игумен, граждане монахи. Или в том же произведении - более откровенная ирония в деминутиве гробик, соединенном с

определением двуспальный, оброненными одним из уличных зевак, наблюдавших веселье великовозрастных новобрачных: "Молодым-то гробик бы двуспальный подарить... вместо пирожка". Образности и остроты реплике придает мнимый ассоциативный прототип "двуспальная кровать".

Отечественная война и первые послевоенные годы внесли в художественное творчество Леонова струю гораздо более строгой характеристической оценки всего, что служит общечеловеческим интересам, и что вредит им, губит их. Соответственно все заметнее расходятся по обе стороны у него и семантико-эмоциональные функции употребленных деминутивов.

Характеризуя "точнейшие расписания будущих военных операций" "во исполнение фюрерской директивы "сокрушить Россию до окончания войны с Англией", гитлеровские генералы, замечает Леонов, со свойственным Германии педантизмом не упустили ничего: "на каждую нашу пташечку - своя немецкая пушечка, чтоб и наповал сразить, и перышка не попортить". В последних полутора строках, иносказательно передающих суть фашистских захватнических планов, художественно, по смыслу и экспрессии противопоставлены друг другу деминутивы, с одной стороны, пташечка, перышко, с другой, - пушечка. Оказавшись в минимальном контексте рядом, они высветились резким контрастом, свежеевыраженной антитезой добра и зла, невинности и зверского коварства.

Здесь попутно и небезынтересно вспомнить еще одну цитату из леоновских статей военных лет, в основе творчески интерпретированного писателем художественного образа которой легла, как нам думается и в предыдущем случае, все та же русская поговорка "стрелять из пушки по воробьям". На этот раз - по адресу не вызывавших у Гитлера сомнений в легком захвате государств: "... Гитлер с недвусмысленной ухмылкой грозитя пока еще в безымянные адреса; он как бы хвастается своим топором, приглашая желающих побрить себе плечи вне очереди. И дипломатические гости терпеливо сносят эти примерки не только к их добродетельным сусалам, но и к жизни: будто это не про них! Оно и правда, не про них: по воробьям не бахают из гаубиц. Мы-то знаем теперь, кому должна была раскрыть голову эта отточенная машина в миллиарды тонн".

Количество деминутивов, использованных в качестве негативной характеристики, заметно прибавилось в послевоенном творчестве Леонова. Расширился их оценочный диапазон - от корректирующей, совершенствующей, на грани юмора, незлобной иронии до сатиры и даже резкого, уничтожающего сарказма. Объектами отрицательной характеристики по-прежнему остались у него какие бы то ни было тормоза благополучного существования, материального и духовного развития страны и всех ее граждан.

Большой друг, знаток и защитник родной природы, леса в том числе, писатель не мог спокойно взирать на то, как бездумно вырубаются леса, как неуютно в городах чувствует себя дерево - живой фильтр и озонатор воздуха. Начало серьезному разговору об экологии, несколько позже продолженному на высочайшем художественно-биологическом уровне в романе "Русский лес", было положено им в известной статье "В защиту друга" (1947 г.). Такого целенаправленного наполнения деминутивами контекстов единого текста произведения у Леонова еще не было. Приведем и прокомментируем лишь один из них.

"...поговорим о березке!.. Ни один начинающий поэт не миновал описания ее прелести, ни один ребенок не обходится без новогодней елочки, да и мы сами, пожилые хозяева... земли, страсть любим спеть на пирушке про то, как одна рябинка клонилась на грудь старого дуба... почему помянутая рябинка так тянулась поближе к дубу, хотя ей выгоднее было бы иметь собственную жилплощадь под солнцем... Бедные пасынки коммунхозов!.. На них вяжут качели и бельевые веревки, на них валят ледяной скол с мостовых и, наконец, их безудержу громадными ножницами стригут мрачные древесные парикмахеры... Нечего греха таить, много потрудились в этом деле и ребяташки, устраивающие вокруг деревца подобие живой карусели, и добрые мамы, одевающие своих деток зеленой веточкой, и нагловатые озорники, в сравнении с которыми колорадский жучок представляется мирным деятелем земледелия, и, наконец, знаменитая бабушка с козликом. Не раз приходилось наблюдать, как кроткая старушка пригибает верхушку саженца своему рогатому любимцу, и тот без затрат сил творит из него безлиственную кочерыжку, которую ближе к осени бабушкин же внучек собьет косарем на растопку... Как же тут не тянуться рябинке под защиту дуба, хотя и его дни в полной мере сочтены, если сам народ не вмешается в это, скажем, ненормальное явление?"

В приведенном отрывке по обе стороны воображаемой стилистически нейтральной осевой линии оказались, как видим, хотя и однотипной словообразовательной категории слова - деминутивы, но совершенно различной оценочно-характеристической экспрессии - мелиоративной, березка, елочка, рябинка, деревцо, веточка, вершинка и пейоративной: ребяташки, детки, колорадский жучок, бабушка с козликом, кроткая старушка, бабушкин внучек. Оказиональному возникновению происшедшей между ними семантической дифференциации способствовали содержательная направленность всей статьи, данного контекста и непосредственная близость друг другу на сравнительно малой текстовой площади значительного количества (двенадцати!) эмоционально контрастирующих деминутивов.

Кроме того, дополнительную негативную окраску словам жучок, старушка и внучек прибавили определения при них. Стоит лишь вдуматься в эти словосочетания: колорадский жучок (наводящий на огородников ужас и вдруг - жучок...), кроткая старушка (далеко не кроткая в отношении к той частице нашей общей природы,

которая лично ей не принадлежит), бабушкин внучек (а можно ли от него лучшего ждать, коль яблоко от яблони недалеко падает?..). Леоновские тексты всегда приглашают читателя углубиться в них собственными раздумьями, дабы найти там "многие спрятанные, так сказать, захороненные в борозде и пока еще не взошедшие мысли" (из письма Л. М. Леонова к автору этой статьи от 9 июня 1961 г.).

Еще более интенсивным использованием деминутивов как средства оценочно-характеристической экспрессии отмечен роман Леонова "Русский лес" (1953 г.). Характер в нем оценок, позитивной или негативной, автор сумел поставить в зависимость от того, в чьи уста он вложил уменьшительно-ласкательные словоформы. Сравним для примера два соседних отрывка из второй главы романа: первый - это прямая речь-обращение к лесорубам Титки - приказчика купца Кнышева, истребившего Облог, древнейший лесной массив на реке Енге; второй - авторский вводный текст в монолог заступника леса деда Калины и монолог самого Калины, адресованный губителям леса. Приведем их с последующим комментарием.

- Чего заглохли, окаянные... чего, дятелки, не постукиваете? - торопил и грозился, умолял и науськивал вконец осипший Титка, такой суетливый, что четверился в похмельных глазах мужиков. - Чугунка придет, ситчиком вас завалит... то-то попируем, деточки! А ну, навались, родимые... - и еще разок обрызгивал свою армию водчонкой.

"На истоптанном дочерна снегу толпились лесорубы. Понуро и недоверчиво, как на диво лесное, взирали они на старика, сидевшего возле своей нетопленной, с распахнутой дверью хатки, на свежем пеньке. Калина был без шапки, какой-то чистенький и помолодевший, на плечи накинут кожушок; медноватый свет его последнего солнца отражался в лысой голове. Видимо, происходила прощальная беседа, однако не она одна привлекла сюда лесорубов. В сторожке подкреплялся медком и рыжиком калинова засола сам Кнышев, наехавший произвести порядок на Енге. Всем была охота взглянуть на знаменитого деятеля, который, по слухам, вырубил полмиллиона десятин и снял зеленую одежду с трех великих русских рек".

- Так-то, хорошие вы мои, детки несмышленные.... - говорил Калина тихо и ровно, словно читал по книге. - К тому я и веду, что прозябнет земляца без своей зеленой шубейки и здоровьишко станет у ей шибко колебательное... Будет коровка по семи верст за травинкой ходить, а раньше с аршина наедалась. И будет вам лето без тучек, иная зимица без снегов... и поклянут люди свое солнышко! И захотится в баньке веничком похлестаться, а нету. А случится вам сказывать, как на бывалошних-то пнях человек врасстяжку ложился, а внуки вам не поверят. И как побьете до последнего деревца русские-то леса, тут и отправитесь, родимые, за хлебушком на чужую сторонку!..

Статистика в этих трех отрывках деминутивов такая: в обращении Титки к лесорубам - три (дятелки, ситчик, деточки), и в дополнительной к нему реплике автора - два - разок и водчонка; в предисловии автора к монологу старца Калины - семь: хатка, пенек, кожушок, медок, одежда; чистенький, медноватый; в самом монологе - пятнадцать: детки, земляца, шубейка, здоровьишко, коровка, травинка, тучки, зимица, солнышко, банька, веничек, внуки, деревцо, хлебушек, сторонка.

В устах Титки, как видим, деминутивы звучат прямо противоположно исходному им, уменьшительно-ласкательному, значению, что, в свою очередь, подкреплено им же неряшливо брошенным, откровенно бранным словом "окайные" и авторской ремаркой "торопил и грозился, умолял и науськивал".

Наоборот, в монологе старца Калины все деминутивы, обращенные к природе (в широком смысле этого слова), теплятся любовью, лаской и одновременно прощальной глухой скорбью совершенно беспомощного, кроме элементарной безупречной крестьянской логики, человека, целиком обязанного своим естеством ей, матери-природе, но не сумевшего из-за полной бесправности отстоять ее частицу, лес, на Енге. Правда, и здесь проступила обратная, пейоративная сторона семантики одного деминутива, который был призван наполнить вряд ли слышавшим Калину "деткам несмышленным", охваченным сиюминутным капиталистическим трансом легкой наживы, что солнышко не только согревает землю со всем живым на ней, но и способно в отсутствие влаги выжечь ее дотла: "... и поклянут люди свое солнышко!"

Часто путем распространения деминутивов семантически отдаленными определениями Леонов достигал совершенно не свойственного деминутивам смысла, обогащая этим свою художественную палитру свежими красками, а тексты - новыми образами. Ср., например, словцо и булыжное словцо, которого, как булыжник, всегда ждал от Грацианского Иван Вихров. Или крошки и пудовые крошки с нашего расточительного государственного стола из-за неразумного хозяйствования. Ср. также дождичек и свинцовый дождичек (автоматно-пулеметный), старушечка и ртутная старушечка (проворная, подвижная).

Из приведенных иллюстраций видно, что для выяснения подлинной семантики деминутивов необходим текст - от произведения в целом до контекста, в том числе минимального, каким является словосочетание. Кроме того, критерием распознавания характера оценочной экспрессии деминутива служит еще и более-менее определенно выраженная личностная характеристика персонажа: отобранные и употребленные им или другими, включая автора, сказанные о нем самом деминутивы не могут не отражать сущности литературного героя. Так, прочитавшему "Русский лес" очень просто ответить на вопрос, к видовым

наименованиям чьих "трудов" - статей, рецензий, "теории" в целом, относятся в тексте романа коррелятивные деминутивы статейка, рецензийки, теорийка. Конечно же - Грацианского. Или - чьи неотлучные спутники, вертодоксы получили у автора близкие по звучанию и однотипные по способу образования (потому что содержанием не разнятся) собственные имена Андрейчик, Ейчик и просто Чик? Его же, Грацианского. Иного ответа и быть не может: он предопределен самой жизненной линией персонажа неотступно шельмовать научно обоснованное учение профессора Вихрова о необходимости плановой, разумной вырубке лесов с неперменным их восстановлением. К слову, деминутив рецензийки не зафиксирован ни в одном толковом словаре, но это нисколько не затрудняет его недвусмысленного восприятия широким читателем.

Еще оригинальнее леоновский окказионализм вертодоксы, неоднократно употребляемый в романе по адресу гибких на все четыре стороны вышеназванных единомышленников Грацианского. Его прототипом послужило заимствованное из французского языка греческого происхождения слово ортодокс (orthodoxos), что буквально означает "имеющий правильное мнение" [9, 313]. Писатель заменил в нем начальную часть орто-фонетически схожей верто -, взятой из русского слова вертеться. В результате появился в меру семантически прозрачный окказионализм (ср. ортодокс - вертодокс), лапидарность которого, художественная точность передачи образа псевдоученых-сателлитов, неодобрительно-оценочная экспрессия таковы, что вообразить в этой функции нечто совершеннее леоновского новообразованного слова не представляется ни лучшим, ни достижимым.

Подведем итог вышесказанному. Среди привлеченных Леоновым художественных средств живописания действительности видное место занимают еще не до конца раскрытые морфемно-словообразовательные ресурсы русского языка, в том числе уменьшительно-ласкательные словоформы, деминутивы. Неоспоримое достоинство аффиксального словообразования в том, что произведенные этим способом слова, как некая лингвостилистическая обнова, свежо выглядят и в то же время не настолько новы, чтобы оказаться хотя бы в какой-то мере непонятными знающему русский язык.

Деминутивы в абсолютном большинстве своем не только сберегли в себе изначальный смысл производящей основы, но и обогатились присущей уменьшительно-ласкательным суффиксам оценочно-характеристической семантикой. При этом лексикализации деминутивов, то есть способности данной словоформы стать самостоятельной единицей словарного состава (за редким исключением, как например, бела-белка, двор-дворец, порох-порошок), не произошло; ср.: дети-детишки-деточки, жук-жучок, пушка-пушечка.

Леонову-художнику, неутомимо искавшему для каждого следующего творения все новых, свежих красок, было недостаточно только уменьшительно-ласкательной семантики, заложенной в деминутив традицией общенародного употребления. И он отыскивает выход в окружении уменьшительно-ласкательной словоформы несвойственным ей контекстом неодобрительного содержания, заставляя деминутив изменять природную, мелиоративную экспрессию, вплоть до противоположной, пейоративной. В результате выстраивается такая словообразовательная последовательность: от первообразной безаффиксной стилистически нейтральной словоформы дети к стилистически одобренному уменьшительно-ласкательным суффиксом деминутиву детки-1 (например, хорошие детки) и от него - к стилистически сниженному условиями контекста деминутиву детки-2 (ср. детки несмышленные в обращении Калины к лесорубам). Деминутив-1 - факт языка, деминутив-2 - продукт словесно-изобразительного речетворчества писателя. Морфемный состав у них одинаковый, значения - разные, более того - противоположные. Следовательно, перед нами активнейший родник появления в языке противоположных по значению омонимов. Иначе говоря, налицо весьма продуктивная энантиосемия (от гр. enantios - противоположный и sema - знак) - развитие в деминутивах антонимических значений.

Возникает вопрос, можно ли отнести к уже совершившейся лексикализации вышеприведенные из художественно-литературных текстов Леонова деминутивы-2, так как "в основе лексикализации деминутивов лежит пейоративный (неодобрительный) характер значения" [10, 110]. Думается, нет, потому что упомянутые словоформы не стали самостоятельными единицами словарного состава, средствами лексической дифференциации, как, например, слова душок, слушок, красавчик, молодчик, улыбочка, характерец, бесповоротно закрепившиеся на второй, пейоративной, оценочно-характеристической позиции.

Леоновские деминутивы нуждаются в контексте, чтобы раскрылась спрятанная в них способность обоюдосторонней экспрессии - реально существующей, в языке, со знаком плюс, и потенциально возможной, в речи, с противоположным знаком. Оттого и дороги нам эти контексты, безмерно дорог их автор, Леонид Леонов, доказавший своим творчеством неиссякаемость художественно-изобразительных ресурсов у русского слова.

Чтобы нагляднее было представить всю масштабность художественно-оценочного расчета писателя на деминутивы, назовем некоторые; без комментариев, сгруппированные по суффиксальному признаку, в исходной падежной форме и грамматическом числе по тексту.

А: дубок, дымок, егерек, козелок, конек, конюшок, костерок, кучерок, медок, мосток, петушок (красный, то есть пожар), проводок, следок, старичок, стреженек, стригунок, тупичок, холодок, хохоток, юморок;

Б: винцо, вопросцы, деленьице, закатец, избица, изюмец, кагорец, мненьице, пенъице, предметцы, пшенцо, романцы, ружьецо, свиданьице, секретцы, сосальце, судьбица, туманец, узорец;

В: барынька, геранька, грибки, десятинка, забавка, излучинка, квартирка, кислички, крапивка, кустки, норка (маленькая нора), обыденка, одежка, окончики, прохладка, сменка, трещинка, трибунка, тропка, трясинка, фабричка, холстинка, школка;

Г: белишко, буксиришко, винишко, делишки, дровишки, жалованьишко, зайчишко, лесишко, нефтишка, платишко, поклонишко, прудишко, трактиришко, чаишко;

Д: добавочек, дождичек, жавороночек, малинничек, песочек, разочек, следочек, шажочек;

Е: вопросик, грошки, дождик, кустики, погостик, самолетик, теорик (ср. практик), шкаффик. Вышеописанных в статье уменьшительно-ласкательных словоформ, как видим, нет в этом списке. Подсчет собственно леоновских деминутивных новообразований автором данной статьи не планировался и поэтому не производился: вопрос об окказионализмах в творчестве Леонида Леонова ждет особого разговора. Тем более, что еще шестьдесят пять лет назад в статье "Призыв к мужеству" (Литературная газета, 1934, 16/IV) писатель со всей категоричностью утверждал, что "народ наш скорее можно упрекнуть в скупости на новые слова, чем в легкомысленном словесном новаторстве".

ЛИТЕРАТУРА

1. Русские писатели о языке. Хрестоматия. / Под общей редакцией А. М. Докусова. Изд. 2-е. - Л.: Учпедгиз, 1955. - 460 с.
2. Архив А. М. Горького. - См.: В. А. Ковалев. Горький и Леонов (20-е годы).// Вопросы советской литературы. - М.-Л., 1953. - Сб.I. - 412 с.
3. Горький М. О литературе. - М., 1953. - 867 с.
4. Архив А. М. Горького. - См.: В. А. Ковалев. Творчество Леонида Леонова (1915-1937). - Докт. диссерт. - Л., 1951.
5. Сурков Е. О пьесах Л. Леонова "Нашествие" и "Ленушка". // Театр. Сб. статей и материалов. - М. - Изд-во ВТО. - 1944.
6. Иванов Вс. Встречи с Максимом Горьким. - М., 1947.
7. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений. В одном томе. - М., 1949 - 1524 с.
8. Бровко А. С. Фразеология прозы Леонида Леонова (на материале романа "Соть", повести "Взятие Великошумска" и художественной публицистики 1941-1948 гг.) - Автореферат канд. дисс. - Днепропетровск, 1963. - 20 с.
9. Шанский Н. М., Иванов В. В., Шанская Т. В. Краткий этимологический словарь русского языка. Пособие для учителя. - М.: Просвещение, 1971. - 541 с.

Осипова Л. И. О некоторых разновидностях лексикализации слов с уменьшительно-ласкательными суффиксами.// Русский язык в школе. - 1968. - №5. - 128 с.